

Е.Б. Смилянская¹

The article '*Commencement of the Russian Military Presence in the Mediterranean: a Brilliant Operation with Long Consequences*' studies a special meaning of the Eastern Mediterranean for Russia since 1770-s, when Catherine the Great sent her naval forces to the region. The author discusses three long-term consequences of that military action: the presence in the Eastern Mediterranean became an attribute of a great power (for Russia economic or tactical reasons were secondary ones); in their interactions with Greek and Slave co-religionists and some anti-ottoman Arab rulers Russians poorly took into consideration differences of political cultures and very often failed to strengthen a support from peoples of the Levant; instead of reasonable motivations Russian activity in the region was frequently supported by mythological discourse of a special 'anti-barbarism' mission.

Ключевые слова:

Российская империя, Средиземноморье, Греция, Сирия, Архипелагские экспедиции российского флота, Екатерина II

Russian Empire, Mediterranean, Greece, Syria, Archipelago expeditions of Russian naval forces, Catherine the Great

Начало военного присутствия России в Средиземноморье: блистательная операция с долгими последствиями*

Война в Сирии и российская база на сирийском побережье Средиземного моря стали жаркой темой современной политики, добавив актуальности исторической оценке российских акций в этом регионе. Если современная военная ситуация в Восточном Средиземноморье пока является темой преимущественно дебатов политологов и военных экспертов, то анализ *истоков* российского присутствия в Средиземноморье позволяет осмыслить причины, по которым уже 250 лет средиземноморское направление занимает особое место в российской внешней политике.

Известно, что военные корабли России стали бороздить воды Восточного Средиземноморья с 1770 г. Выход эскадр российского флота из балтийских портов Ревеля и Кронштадта, их проход вокруг Европы получили большой международный резонанс. После Чесменской победы российской императрице в 1771-1773 гг. присягнули на подданство три десятка островов в Эгейском море, и тогда грекам была предложена

---

¹ Смилянская Елена Борисовна, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант а № 17-01-00261)

возможность создания первой в Новое время независимой от Османской империи конфедерации островов под покровительством империи Российской. Россия строила свою военно-морскую базу на острове Парос. Российский флот имел возможность контролировать в это время левантийскую торговлю Запада с Востоком, а командование экспедиции (прежде всего, граф А.Г.Орлов и адмирал Г.А.Спиридов) свободно вступали в переговоры и союзнические отношения не только с единоверными греками и славянами, но и с арабскими правителями на Ближнем Востоке: Али-беем и шейхом Захиром ал-Омером; российские суда и эскадра греческих капитанов, подчинявшаяся российскому командованию, дважды брали Бейрут. Однако вмешательство европейских держав и проблемы внутри страны не позволили Екатерине II надолго закрепить свои успехи. После заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира с турками российский флот оставил и подданных императрицы на Эгейских островах, и союзников на Ближнем Востоке².

Между тем, эскадры военного флота Российской империи с тех пор продолжали бороздить Средиземное море, а широкая сеть российских консульств в Средиземноморье представлять интересы империи, покровительствовать ее подданным и православным единоверцам. Опыт Первой Архипелагской экспедиции повлиял на содержание так называемого «Греческого проекта» Екатерины II (1782 г.), на деятельность Ф.Ф.Ушакова на Адриатике и в Восточном Средиземноморье в 1798—1800 гг., на задачи Второй Архипелагской экспедиции Д.Н.Сенявина 1805-1807 гг. А это, в свою очередь, уверило Николая I, внука Екатерины, в том, что «по своему могуществу ... [Россия] должна иметь силу во всем Востоке» и имеет право на вмешательство в религиозные конфликты христиан на Ближнем Востоке и на политическую ситуацию во всем Восточном Средиземноморье³.

Что же позволяет говорить об особом интересе к Средиземноморью в российской истории и почему плодотворным здесь может оказаться изучение военного предприятия XVIII в.? Попробуем, обратившись к материалам Первой архипелагской экспедиции Российского флота 1769-1775 гг., ответить на три вопроса: 1) в чем причины интереса России к присутствию в данном регионе? 2) в ком находили опору и союзников в Средиземноморье? 3) как обосновывали российского вмешательства в дела региона? Также в заключении представляется важным наметить направления междисциплинарного

---

² См. подробнее: *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011 (далее: Россия в Средиземноморье).

³ См. подробнее: *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М., 2015. С. 66-68 и др.

сравнительного исследования военных акций России в Средиземноморье, на наш взгляд, не нашедших пока достаточного освещения в историографии.

Долгое время считалось, что Екатерина II решила отправить свой флот в Восточное Средиземноморье только в 1768 г./1769 гг., когда началась война с турками и возник план ударить по Османской империи силами Балтийского флота России с помощью балканских греков и славян. Было ли это лишь тактической составляющей военной операции? Безусловно, Восточное Средиземноморье в условиях русско-турецкой войны представляло особый интерес в связи с противодействием османской угрозе, но демонстрация всей Европе военно-морской силы России явно была рассчитана на большее⁴.

Тактический успех был важен, но Екатерина понимала военное присутствие в Средиземноморье как составляющую *большой политики великой державы*, каковой она мыслила свою империю; в ее время этот регион был центром мира, а, не имея своего присутствия на пересечении важнейших торговых и политических интересов, Россия продолжала бы оставаться империей периферийной. Правда, претензии Екатерины были весьма скромны – получение небольшого порта для пристанища военных судов. Зимой 1771 г. императрица собственноручно составляла послание Фридриху Прусскому относительно возможных условий мира с турками, отметив в нем, что не считает чрезмерным в числе плодов «войны победоносной, но весьма дорогостоящей» получение одного острова в Архипелаге, чтобы разместить флот и торговать, притом это не будут «ни Кандия, ни Родос, ни Кипр, но какой-нибудь маленькой остров с хорошим портом, что не вызовет никакого неудовольствия [вероятно, держав Европы. — *Е.С.*], тем более что можно будет надеяться на гарнизон и что я обязуюсь иметь всего лишь ограниченное число офицерских кораблей»⁵. Таким образом, нарушив сформировавшийся баланс сил в Средиземноморье, Россия в 1770-1774 гг. заявила претензии на получение своей части «средиземноморского пирога», а также дополнительных рычагов давления на Османскую империю. Но прежде всего: приведя военный флот в Восточное Средиземноморье, Российская империя стремилась надолго там закрепиться и заявить о новом СТАТУСЕ державы.

⁴ Уже опубликовано достаточно документальных подтверждений тому, что Екатерина готовила свое вторжение в регион с начала своего царствования, что, императрица по сути возродила идею Петра, который планировал вступление на Балканы, отправляясь в свой неудачный Прутский поход: *Виноградов В.Н.* Трагедия на реке Прут // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 55–63; *Лециловская И.И.* Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2; *Арш Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013.

⁵ Собственноручные примечания Екатерины II на декларацию Порты 1770 г. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 79. Л. 5 об.–6. 4 января 1771 г.). См. также: Сб. РИО. Т. 20. СПб., 1877. С. 301–302.

На какую *опору* в данном регионе тогда можно было рассчитывать? Такой вопрос был решен задолго до начала войны: в Петербурге надеялись на православное население Балкан и, в особенности, на греков, неоднократно заверявших единоверных «*россов*» в том, что готовы при поддержке российского оружия восстать против османского владычества. Но реального военного взаимодействия с греческими отрядами на Пелопоннесе, куда прибыли первые две эскадры российского флота, не получилось. Совместные сухопутные операции потерпели крах, а греческое восстание 1770 г., вошедшее в историю как *Орлофика* ('*Orlov revolt*'), было жестоко подавлено. Греки винили русских за то, что те не смогли предоставить значительной помощи людьми и оружием, а русские считали, что именно греки не оправдали возлагавшихся на них надежд. Показательны в этой связи слова сожаления адмирала Г.А.Спиридова относительно «робости греческих народов», обращенные к греческим депутатам зимой 1771 г.: «Государыня императрица Екатерина Алексеевна, будучи известна о греках, стнящих под ыгом агарянским, соболезуя о толь *бывшем храбром народе*, пришедшем в таковой великой упадок и рабство, что турков стали бояться, как бы малыя дети каких страшилищ...» (выделено мною. – Е.С.)⁶. Между тем, взяв под контроль после разгрома турецкого флота при Чесме острова Архипелага, уверившись в собственные силы и без поддержки греков, именно Спиридов не только попробовал привести греков к присяге на подданство Екатерине II, но и начал выстраивать систему новой государственности в так называемом «Архипелагском княжестве».

Авторство проекта «Архипелагского княжества», равно как и воплощение его в жизнь принадлежало не петербургским политикам и не самой императрице, рассуждавшей о «маленьком острове» и верившей в то, что греки *сами* в состоянии создать свое независимое государство, а командующему флотом в Архипелаге Г.А.Спиридову. Он вынужден был действовать на свой страх и риск: обратиться к греческим старшинам островов, предложив российское покровительство в обмен за уплату «*посильных податей*» и отказ от турецкого подданства. И когда старшины объявили себя подданными Екатерины II, Спиридов отправил реляцию в Петербург, при этом *очень удивив* и порадовав императрицу. Примечательно, что условия войны заставили адмирала продумывать вопросы государственного строительства на завоеванных греческих островах, тогда как в Петербурге так и не сложилось определенного представления о том, что делать с возможными завоеваниями в Средиземноморье и какой тип правления для них избирать⁷.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 73.

⁷ *Смилянская Е.Б.* Греческие острова Екатерины II. Опыты имперской политики России в Средиземноморье. М.: Индрик, 2015. С. 127 – 178.

За тридцать лет до того, как адмирал Ф.Ф.Ушаков трудился над созданием Ионической республики Семи островов (1800-1807 гг.)⁸ Г.А.Спиридов уже создал пространный конституционный проект идеального, с его точки зрения, государственного образования в форме «республики» или «архидукства» объединенных островов, имеющих свой выборный Сенат, свои органы местного самоуправления и судопроизводства, силы самообороны, определявший отношения церкви и светских институтов. Этот проект, долго незаслуженно не замечавшийся исследователями, может считаться одним из первых проектов возрождения греческой государственности с созданием институтов народного представительства. Но значение этого опыта можно оценить лишь в контексте аналогичных проектов государственного строительства эпохи Просвещения, исходя из понимания политической культуры, как российского военного командования, так и греческого населения. И если первое лучшим образцом государственного устройства почитало знакомые российские порядки (да и не должно было им предпочитать иного!), то второе не готово было ломать сложившиеся при османах патриархальные основы самоуправления, а лишь предполагало поменять «злого» иноверного сюзерена на «доброе» православного. В итоге как и в совместных военных акциях русских и греков, так и при первом опыте строительства нового политического образования на эгейских островах итогом было взаимное разочарование союзников и сомнение в надежности опоры на единоверцев.

Еще отчетливее различие политических культур и ожиданий от союзнических отношений проявилось в 1770-е гг. при контактах русских с *иноверными* арабскими правителями. Интерес к Египту и Сирии, а точнее к возможности использовать сепаратистски настроенных правителей этой части Османской империи, появился, когда военный флот России уже был в Восточном Средиземноморье⁹. Этот интерес возник и в Петербурге, и в штабе Орлова с первыми известиями об успехах египетского правителя Али-бея, в 1770 г. объявившего о независимости Египта от Османской империи. В 1770 г. Али-бея оживленно обсуждали в переписке Екатерина и Вольтер, с осени 1771 г. осторожные контакты с Али-беем стал налаживать глава Архипелагской экспедиции А.Г.Орлов., а весной 1772 г. к египетским берегам прибыли российские переговорщики – близкий к Орлову граф Иван Войнович в сопровождении небольшой «греческой эскадры»; в помощь Али-бею и его союзнику палестинскому шейху Захиру ал-Омеру эта маленькая эскадра без особого труда изгнала турецкий десант, взяв Бейрут. В сентябре 1772 г. на

⁸ См.: *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф.Ушакова в Греции, 1798-1806. М., 1983.

⁹ Это подробно рассматривает И.М.Смилянская, чьими выводами я пользуюсь. См.: *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. С. 333-411.

помощь осадившим Яффу Али-бею и Захиру были присланы и российские военные советники С.И.Плещеев и Клингенау, правда, ожидаемого арабскими правителями военного подкрепления тогда не последовало. Только в 1773 г. к сирийским берегам, правда, уже после поражения и гибели Али-бея прибыли две небольшие российские эскадры, снова взяли Бейрут, и даже получили письменные уверения правителя друзей эмира Шихаба и шейха Акки Захира Омера быть в «подданстве» Екатерины II. Но, как и с греками Архипелага, в этом случае *покровительство* императрицы России, *присяга* и даже переход в российское *подданство* стали по большому счету лишь выражением разных форм сотрудничества с российским командованием. В политической системе региона господствовали личностные связи - вассальные или патрон-клиентские, и понятия «присяга», «покровительство», «подданство», зафиксировавшие это сотрудничество, все еще имели для левантийцев смысл не столько политико-юридический, как их определяет современное международное право, сколько репрезентативно-протекционистский, подобный выбору вассалом своего сеньора.

Таким образом, взаимодействие российских военных и с арабами в 1772 –1774 гг., как и с греками, весьма красноречиво свидетельствовало о различии политических культур, военных стратегий и о преувеличенных ожиданиях партнеров. Разочарование в греках, которые оказались к удивлению российской императрицы и ее просвещенного окружения мало похожими на древних спартанцев, привели к тому, что дальнейшие планы освобождения Балкан и Архипелага от турок больше обсуждались с европейскими монархами, нежели с греческими депутациями. Опыт контактов с мятежными арабскими правителями также, кажется, имел весьма ограниченное применение, а между тем, недоучет этого опыта потом недешево стоил при планировании и проведении новых операций по утверждению российского влияния в регионе¹⁰.

Отдаленность Восточного Средиземноморья от российских границ, недостаточная очевидность (как по экономическим, так и по политическим соображениям) необходимости российского присутствия в этом регионе всегда порождали одновременно с открытием военных действий активизацию действий иного рода – войны словесной и символических демонстраций освободительной миссии России против «варваров».

Первая Архипелагская экспедиция была отправлена Екатериной под лозунгом спасения греков, стонущих под «игмом нечестивых», как защита наследников античной цивилизации

---

¹⁰ См.: Там же. С. 729-744; *Кобищанов Т.Ю.* Политика России на Ближнем Востоке в годы экспедиции Наполеона Бонапарта в Египет и Сирию (1798-1801) // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2013. № 1.

от османского *варварства*¹¹, даже как противостояние христианского и мусульманского мира (последний тезис Екатерина использовала в надежде на поддержку католиков). Для оповещения о своей праведной миссии по освобождению единоверцев российской императрицей были использованы, казалось бы, все имевшиеся в ее время каналы информации: российская и зарубежная периодическая печать, церковные проповеди, празднования побед.

Уже в 1769 г., когда флот отправлялся в Архипелаг в прессе была опубликована проповедь, включавшая обязательную похвалу Екатерине, которой Бог дарует: *«ревность к освобождению церкви святой и всего Христоименитого достояния от горького порабощения Сарацинского»*¹². Вскоре о миссии *россов* стали произносить стихи лучшие поэты екатерининского царствования В.Майков, М. Херасков, В. Петров. В 1775 г. В.Майков и В. Баженов стали организаторами больших многомесячных торжеств в Москве, посвященных победе в Русско-турецкой войне. На этих торжествах обыграны были и преимущества от приобретения земель в Новороссии, и восторженно отмечен успех флота в Восточном Средиземноморье. В частности, тогда будущий московский митрополит Платон (Левшин) произнес: *«Внезапу в отдаленнейших странах блеснул меч Россиан, и те места, которыя прежде во училищах малым отрокам только перстом на бумаге показывали, та самыя места начал воин наш попирать победоносными стопами своими. Внезапу храбрым российским воинством покрылись не токмо поля Влашския, Молдавския, Бессарабския, Болгарския, Херсонския, Кубанския, Черкеския, но и Колхидския и Морейския, и Негромонтския [в смысле Черногорские. – Е.С.], и берега Архипелажские, но при том могу сказать и Сирийские, и Египетские. Везде приносили с собою страх и любовь; страх противящимся, человеколюбие побежденным»*¹³.

В ходе войны пропагандистское оружие праздничных торжеств было нацелено на весьма обширную аудиторию и за пределами Российской империи: особенно значительны были праздники, устраиваемые А.Г.Орловым в Пизе (где подолгу пребывал Орлов и его штаб) и в Ливорно (где российские военные корабли находили пристанище), в Порт-Аоне на Менорке (где также принимали эскадры российского флота), в самом Архипелаге¹⁴.

¹¹ Примечательно, что своего союзника мусульманина Али-бея императрица таким *варваром* не называла, напротив, ища в нем *веротерпимость!*

¹² Санкт-Петербургские ведомости. 1769. №83. Прибавление.

¹³ Платон (Левшин). Слово на торжество славного мира, празднованного 1775 года иулия 10 дня (Успенский собор в Кремле) // Платон (Левшин). Слова... М., 1780. Т. 3. С.76.

¹⁴ Смелянская Е.Б. Символическое значение "русских праздников" в Средиземноморье в 1770-е годы // Е.Р.Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы. М., 2012. С. 164-172.

Так, несколько европейских изданий описали российские праздники в Порт-Маоне с особенной иллюминацией: на фасаде собора появилась «перспектива, представлявшая армию и имя российской императрицы», а «на резиденции консула укрепили прекрасное искусственное пламя, которое с одной стороны пожирало турецкие мечети (вариант: зажженные огни представляли с одной стороны крест, торжествующий над турецкими мечетями), посреди чего читалась надпись «*Caterina Alexiovvona II. Imperatrice di tutte le Russie. Vivat. Vivat*». Екатерина II послала в дар местной греческой церкви Евангелие высотой два фута и шириной 15 дюймов в золотом окладе, чашу размером в полтора фута, два небольших блюда и большой золотой крест¹⁵.

Передача даров российской империи православным единоверцам являлась особым аспектом символического вторжения на новые территории¹⁶. Эти дары должны были подкрепить идею: российское присутствие в Средиземноморье является по сути *противовесом* военному насилию и призвано *защитить* православных от «ига неверных агарян». Уже при экипировке экспедиции, как известно, императрица дала распоряжения Синоду отправить на военных судах иконы, облачения, церковную утварь для раздачи в православные храмы и монастыри¹⁷. Исследование русских церковных памятников в Греции показало, что со второй половины XVIII в. поток таких даров, как от правителей, так от русских паломников и от греков, переселившихся в Россию, не прекращался. Золотые медали Екатерины, драгоценный кинжал А. Орлова на Патмосе, митры русской работы на Санторине и Паросе, оклады икон и книг на Тиносе и Наксосе оказываются важными свидетельствами многообразия путей, которыми Россия утверждала свое присутствие в Леванте. Щедрыми подарками Россия продолжала одаривать православное духовенство на Балканах, в Архипелаге, в Святой Земле и в дальнейшем, подкрепляя этими дарами шаги по созданию собственных дипломатических и церковных миссий¹⁸.

¹⁵ *Notizie del Mondo*. 1770. № 95. P. 777; *Gazette d'Amsterdam*. 1770. № 101.

¹⁶ О многообразии символического значения даров см., например: На языке даров. Прав символической коммуникации в Европе 1000-1700 гг. / отв. ред. Г.Альтхоф и М.Бойхов. М.: РОССПЭН, 2016.

¹⁷ Судьба этих даров – дело непростых изысканий, которые мы проводили с искусствоведами и реставраторами во время экспедиций в Грецию в последние несколько лет. *Игошев В.В., Смилянская Е.Б.* Российские памятники в Греции и историческая память о российско-греческом взаимодействии в XVIII–XIX веках // Вестник РГНФ. 2013. № 2. С. 73-84.

¹⁸ *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006; *Якушев М.И.* Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013; *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Сирия накануне и в период Младотурецкой революции.

Обращаясь к изучению причин и специфики акций России в Восточном Средиземноморье в XVIII, и XIX - XXI вв. нетрудно заметить некоторые параллели, найти повторяющиеся суждения относительно несбывшихся надежд, обвинения в сторону нестойких религиозных и идейных союзников. И хотя я далека от прямого, не учитывающего исторического контекста, сравнения российских операций разных эпох, мне представляется, что анализ *истоков* средиземноморской политики России позволяет выявить ряд недооцененных перспектив изучения и позднейших конфликтов в этом регионе. Важно в сравнительной ретроспективе:

- определить влияние культурных и религиозных стереотипов на восприятие реалий и на поведение участников военных походов в «чужую» цивилизацию в разные исторические эпохи;
- проанализировав политическую культуру сторон конфликта, оценить соответствие форм и методов действий российского командования на занятых территориях сложившимся реалиям политических институций Запада и Востока и др.;
- наконец, оценить успешность работы власти с общественным мнением в своей стране и за ее пределами, а также резонанса, который, каждая военная операция получала в европейском и российском общественном мнении, формируя историческую память современников и потомков.

Постановка таких задач потребует, без сомнения, более широкого обращения к методологии исторической и политической психологии, компаративной культурологии, лингвистики, культурной антропологии, но, вероятно, в итоге позволит найти скрытые черты исторической преемственности и точнее оценить «человеческое измерение» войн и значение достигнутых в них успехов и допущенных ошибок.

Список литературы:

Источники:

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 79. Л. 5 об.–6.
2. Сб. РИО. Т. 20. СПб., 1877. С. 301–302.
3. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 73.
4. Санкт-Петербургские ведомости. 1769. №83. Прибавление.
5. *Платон (Левшин)*. Слово на торжество славного мира, празднованного 1775 года иулия 10 дня (Успенский собор в Кремле) // Платон (Левшин). Слова... М., 1780. Т. 3. С.76.
6. Gazette d'Amsterdam. 1770. № 101.

7. *Notizie del Mondo*. 1770. № 95.

Литература:

8. *Ари Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013.
9. *Виноградов В.Н.* Трагедия на реке Прут // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 55–63.
10. *Игошев В.В., Смилянская Е.Б.* Российские памятники в Греции и историческая память о российско-греческом взаимодействии в XVIII–XIX веках // Вестник РГНФ. 2013. № 2. С. 73-84.
11. *Кобищанов Т.Ю.* Политика России на Ближнем Востоке в годы экспедиции Наполеона Бонапарта в Египет и Сирию (1798-1801) // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2013. № 1.
12. *Лециловская И.И.* Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2.
13. *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006.
14. На языке даров. Прав символической коммуникации в Европе 1000-1700 гг. / отв. ред. Г.Альтхоф и М.Бойхов. М.: РОССПЭН, 2016.
15. *Смилянская Е.Б.* Греческие острова Екатерины II. Опыты имперской политики России в Средиземноморье. М.: Индрик, 2015.
16. *Смилянская Е.Б.* Символическое значение "русских праздников" в Средиземноморье в 1770-е годы // Е.Р.Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы. М., 2012. С. 164-172.
17. *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011.
18. *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М.: Индрик, 2015..
19. *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф.Ушакова в Греции, 1798-1806. М., 1983.
20. *Якушев М.И.* Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013.

Аннотации:

В статье рассматривается вопрос о значении первого военного вторжения России в Восточное Средиземноморье в 1770-е гг. В центре внимания оказывается вопрос о причинах интереса России к присутствию в данном регионе и доказывається, что главным было закрепление статуса великой державы. Опорой России в регионе всегда считались православные единоверцы, но взаимодействие с ними, как и с временными арабскими союзниками, не давало желаемого успеха из-за различия политических культур и нежелания осознать эти различия. Свою стратегию имела и война словесная, направленная на обоснование военных акций России в Средиземноморье.

The article '*Commencement of the Russian Military Presence in the Mediterranean: a Brilliant Operation with Long Consequences*' studies a special meaning of the Eastern Mediterranean for Russia since 1770-s, when Catherine the Great sent her naval forces to the

region. The author discusses three long-term consequences of that military action: the presence in the Eastern Mediterranean became an attribute of a great power (for Russia economic or tactical reasons were secondary ones); in their interactions with Greek and Slave co-religionists and some anti-ottoman Arab rulers Russians poorly took into consideration differences of political cultures and very often failed to strengthen a support from peoples of the Levant; instead of reasonable motivations Russian activity in the region was frequently supported by mythological discourse of a special 'anti-barbarism' mission.